

УДК 821.161.1–14

Ю. В. Якубина

Жанр оды в литературном образовании Нежинских гимназистов

У статті розглядається один із аспектів літературної освіти Гімназії вищих наук, зокрема практика творчих завдань у вивченні російської словесності. Дослідницький акцент зроблено на жанрі оди. Проаналізовано гімназичну оду Н. Кукольника, яка вводиться в науковий обіг.

Ключові слова: Гімназія, "ніжинська літературна школа", естетика класицизму, ода, Гоголь, Кукольник.

В статье рассматривается один из аспектов литературного образования Гимназии высших наук, в частности, практика творческих заданий при изучения российской словесности. Исследовательский акцент сделан на жанре оды. Проанализирована вводимая в научный оборот ода Н. Кукольника.

Ключевые слова: Гимназия, "нежинская литературная школа", эстетика классицизма, ода, Гоголь, Кукольник.

The article deals with one aspect of literary education in Nizhyn Gymnasium of high science, in particular, the practice of creative tasks in the study of Russian literature. The focus of research is made on the originality of the ode genre and its didactic potential. In this paper for the first time in scientific history we investigate in detail the ode by N. Kukul'nik.

Key words: Gymnasium, "Nizhyn literary school", aesthetics of classicism, ode, Gogol, Kukul'nik.

Современные исследователи биографии и литературного окружения Гоголя проявляют интерес к феномену "нежинской литературной школы" (П. В. Михед) и ее представителям, оставившим заметный след в культурной истории Украины и России первой половины XIX в. Исходя из особенностей литературного обучения в Гимназии высших наук, можно прийти к заключению, что гуманитарное образование сочетало усвоение программной классицистической литературы, иностранных (в т. ч. и древних) языков, с новыми веяниями и тенденциями, характерными для культуры первой трети XIX в. Кроме того, именно в стенах заведения,

готовившего чиновников для службы государству, были возвращены амбиции, во многом определившие дальнейшую творческую судьбу его первых выпускников.

Основательное исследование архивных источников, а первые результаты были опубликованы спустя 50 лет после смерти Гоголя [1], позволило составить "Опись каталога книжных фондов Гимназии 1821–1830 гг.", обратиться к анализу сочинений по литературе, изучить послужные списки наставников, в частности, профессора российской словесности П. И. Никольского.

В курсах П. И. Никольского использовались учебные пособия, ориентированные на эстетику XVIII ст., определявшие классицистический дискурс изучения теории и практики литературы. Профессор словесности насильно заставлял гимназистов восхищаться Ломоносовым, Херасковым и Сумароковым [2, стр. 131]. На эту связь указывают и сочинения гимназистов ("Почему поэзия у древних народов являлась на поприще словесности прежде красноречия", "О происхождении стихов и прозы и различии оных", "О ходе учения словесности", "Что нужно знать для изучения словесности и в каком порядке" и др.), сопровождавшиеся замечаниями и оценками П. И. Никольского. Исследовательский интерес представляет сочинение ярчайшего представителя "нежинской литературной школы" Н. Кукольника "О преимуществах эпоеи перед прочими стихотворениями". Чтобы убедиться в достоинствах эпоеи, гимназист сопоставляет ее с драмой "... преимущественнейшим и обширнейшим отделением изящных произведений". Восхищаясь эпоеей Гомера, которая "родилась совершенной", Кукольник приходит к выводу, что она постепенно приходила в упадок, а "надутые эпоеи Вольтера и Хераскова закончили печальное ее падение". Путь греческой драмы был сложным, она "с новым величием воскресла гениями Шекспира, Шиллера, Гете, Кернера и Мюллера". Драма уступает эпоее в поэтике, в содержании, по уровню эмоционального воздействия: "... глубочайшее познание истории, географии, нравов и обычаев, ученость, скрытая под цветистыми украшениями, отрисовка характеров живая, познание души совершенное" [3].

В стенах Гимназии зарождались мечты гимназистов о литературном поприще, они стремились к переосмыслению классического наследия, в своем творческом поиске были подвержены романтическим веяниям. Это побуждало к организации литературных кружков и выпуску рукописных альманахов, созданию студен-

ческой библиотеки и ее пополнения подписной периодикой, налаживанию контактов с признанными литераторами. Так, в письме Н. Маркевичу Н. Кукольник демонстрирует основательное знание литературы от ее античных истоков, а также самостоятельность суждений, выступая в качестве критика: "Насчет Горация и Пиндара скажу, что вся прелесть их простоты не может сравниться с одною строфою Державинской высокопарности. – Не трудно в тридцати стихах горациевой оды сохранить единство; трудно сделать противное <...> Не зная греческого языка, я сужу о Пиндаре по переводам. Взгляните на оду к Нерону на победу при олимпийских играх, где единство? Сравните строфы и антистрофы, первые с последними: разногласие! <...> Всем сердцем и душою люблю я Лагарпа, Буало, Кондильяка, Лонгина, Эшенбурга и проч. – добрые малые, но много говорили неправды, и, если время дозволит, изберу из каждого по три любые правила и опровергну" [4, с. 317].

Из гимназического опыта восходит замысел Н. Гоголя новаторской по содержанию и структуре "Учебной книги словесности для русского юношества". Важным представляется раздел "Оды, гимны и лирические воззвания", с теоретическими основами этих жанров гимназисты знакомились в курсе российской словесности и упражнялись в сочинении подобных произведений. Так, оде, занимавшей в канонической иерархии жанров почетное место, он дает следующую характеристику: "Ода есть высочайшее, величественнейшее, полнейшее и стройнейшее из всех поэтических созда<ний>. Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может, только внушить душе то лирическое, торжественно<е> настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвесть оды поэту, как бы велик он ни был. Посему и предмет од или сам источник всего – бог или то, что слишком близко высокою чувств своих к божественному. Нужно слишком быть проникнуто святыней предмета, нужно долго носить в себе самом высокий предмет, сродниться с ним, облагоухать<ся> им самому, – дабы быть в силах произвести оду. Минутное же восторжение святыней предмета может произвесть гимн, а не оду" [5, с. 473]. Гоголь ориентируется на классицистические образцы, указывая, что ода может быть адресована высокому или божественному. По мнению писателя, ровное движение поэтической мысли, симметрия и гармония римики и строфики, является важными характеристиками жанра: "Ода требует высокого торжес<твенного> спокойствия,

а не порыва. Она не летит вверх, как гимн, но как бы пребывает вся на равной высоте, паря, а не улетающая. И потому всегда в равносильных и равномерных строфах и при свободе своей сохраняет в себе строгий порядок" [Там же].

Все литераторы Гимназии изучали особенности "высокого" слога, упражнялись в применении "механизма стихосложения", сочиняли по заданию проф. П. И. Никольского "маленькие стихотворения", трудились над созданием "од, идиллий, элегий, поэзии эпической или героической" [6]. Практические занятия способствовали выработке навыков, так, воспитанники переделывали оды Державина из пятистопного в четырехстопный ямб. Строгий профессор исправлял незрелые юношеские опыты и, что особенно важно, с "разъяснением причин исправления с замечанием каждому" воспитаннику [7]. О критических оценках профессора вспоминал А. Рославский-Петровский, мечтавший о славе писателя и упражнявшийся по совету Никольского в сочинении торжественных од.

Воспитанники старших курсов ежегодно представляли профессору П. И. Никольскому рукописный экземпляр своих сочинений, а с лучшими образцами разных жанров выступали на торжественных мероприятиях, что служило своеобразным отчетом в учебной и воспитательной деятельности Гимназии [8, с. 113].

Так, 25 июня 1828 г. на публичном экзамене по случаю дня рождения Николая I Н. Кукольник прочитал гимн, сочиненный в честь именинника. Спустя несколько дней во время выпускных публичных экзаменов на языке оригинала звучали оды Горация, баллады Шиллера, песни из "Илиады", зачитывались собственные сочинения гимназических литераторов. Еще большей значительности событию придавало выступление П. И. Никольского, написавшего оду, посвященную императору [9, с. 178–179].

В архивном фонде А. М. Лазаревского хранятся три гимназических сочинения Н. Кукольника, научная биография которого еще ждет своего исследователя. Наш интерес вызывает вводимое сегодня в оборот поэтическое сочинение Н. Кукольника, которое, с одной стороны, раскрывает особенности литературного образования гимназистов, а с другой – проливает свет на реалии нежинской жизни будущего писателя [10].

Написанная высоким слогом ода Н. Кукольника не имеет традиционного названия, однако в автографе поэтические строки предваряет дата – "1829 год", что может восприниматься, исходя из

содержания, как заглавие, если принять во внимание главное для автора событие года – его выпуск из Гимназии. Под текстом оды имеется запись, указывающая на автора и факт ее прочтения перед аудиторией: "Сочинил и читал воспитанник богоугодного пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко ученик 9 класса Нестор Кукольник". Ода, прочтенная во время публичных экзаменов в июне 1829 г., приводится полностью, исключение составляет одно слово, которое трудно разобрать.

1829 год

Где ты, святое чудо Славы!
Благословение небес!
Благословенный! Ни державы,
Ни скипетра ты не унес
В свою воздушную обитель,
Земли небесный посетитель.
Ты сокрушил сердца тоской,
Ты души напоил слезами
И горько разлучил нас с нами,
Нас разлучил с самим собой!
Но если в оный день печали
Ты захотел оставить свет,
И Бог и небо пожелали –
Да к ним надземный Бог придет.
То ты в сей день на наши клики,
Благословенный и великий,
Спустишь с заоблачных высот.
Услышь, как робкими устами
С любовью, с верой и с слезами
Тебя твой юный сын поет.
И ты, второе солнце наше,
Великий, мудрый Николай!
Благоговенья полной чашей
На нас лиющий Бог, внимай!
И ты, наш Канцлерсв<неразб.>й,
Винovníк наших восхищений,
Из Рая в рай земной слети,
Как тень, над нами пролетая,
Твоих детей благословляя,
Благослови мои мечты!
И ты, наш юный покровитель,
Блаженства нашего залог.

Прекрасный ангел наш хранитель
Когда б и ты придти к нам мог!
Ты мне звезда благоденний,
Ты искупил из дна страданий
Осиротевшего меня.
И пред лицом Творца и Мира
Моя признательная лира
Зовет спасителем тебя.
Под Вашим ангельским покровом
Я блага жизни получил,
Я просвещен Христовым словом,
Я знаю крепость высших сил.
Сей храм науки и искусства
Вскормил во мне святые чувства,
Мне больше нечего желать.
И от наук вкусил я сладость,
Я знал блаженственную радость,
Я начал жизнь торжествовать.
Вся жизнь моя благодаренье
Вам, о наставники мои,
Моя печаль и наслажденье,
И темные и светлы дни.
Все Вам и Вашим наставленьям
И бескорыстным поученьям
С сыновним страхом посвящу,
И в мир открытый предо мною
Я с путеводною звездю
На Ваших крыльях полечу.

"Сочинил и читал воспитанник богоугодного пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко ученик 9 класса Нестор Кукольник".

Стихотворению Н. Кукольника присущи основные формальные признаки жанра оды: посвящена торжественному событию выпуска из Гимназии, созданы масштабные образы покровителей заведения, пышный язык с привлечением метафор и гипербол, использование риторических фигур в сочетании с величественным стилем изложения. Состоящее из шести строф стихотворение написано четырехстопным ямбом, традиционным одическим размером. Каждая строфа состоит из десяти строк со строго выдержанной рифмовкой *абабввддг*.

Ода, посвященная торжественному событию в жизни ее автора, состоит из двух смысловых частей. Первые четыре строфы

обращены к важным персонам, без которых оно не состоялось бы, а две последние – признание лирического героя (автора) определяющей роли учебного заведения и наставников в его гимназическом бытии, а что особенно важно, очерчены "путеводные" перспективы с проекцией в самостоятельную будущность.

Анализ первой и второй строф позволяет выделить микротему, раскрывающую роль В. Г. Кукольника – первого директора Гимназии, стоявшего у истоков основания учебного заведения и трагически ушедшего из жизни вскоре после открытия Гимназии. Поэтические строки автора оды исполнены чувством преклонения перед памятью отца. Создается величественная картина мира, в котором отчетливо вырисовывается горный мир, совершенный, в котором "ни скипетр", "ни держава" ценности не представляют. Ему противопоставлен мир земной, в котором сокрушаются и тоскуют по небесному избраннику, ведь на земле ему была уготована лишь миссия "небесного посетителя". Юный поэт обращается к отцу, скорбит в разлуке, однако воспринимает это как высшую необходимость.

В этом макрокосме возникает микромир – одна конкретная картина торжественного дня выпуска, когда к "благословенному" директору обращают свои призывы оставшиеся в земном мире без его заботы воспитанники заведения. Они просят своего "надземного Бога" в этот важный миг спуститься с заоблачных высот, и особенно страстно звучит исполненный любовью, верой и слезами голос его "юного сына",.

Наметившаяся в первых строфах оппозиция мир небесный / мир земной получит свое развитие и в следующих строках. Это связано с введением в художественную ткань оды обращения к памяти князя А. А. Безбородко, основателя Гимназии, призывом спуститься из небесного рая, осенить свою тенью благодарных воспитанников. Поэт говорит об отеческом благословении, в последней строке – проявляется образ лирического героя, мотив мечты.

Сфера земного рая в поэтической картине мира обозначена петербургским и нежинским топосами. В представлении гимназистов Петербург являлся воплощением земной иерархии. Именно там, на недостижимой для провинциальных гимназистов вершине, находился император, самое влиятельное лицо в государстве. События, которые сокращали эту дистанцию, оставались надолго в памяти, приобретали сакральный оттенок. Таким воспринимался несостоявшийся визит в Нежин императора, к нему Гимназия

готовилась самым тщательным образом. Несмотря на то, что царственная особа "проследовала инкогнито", чествование не отменили, а профессор Никольский произнес обращенную к портрету Николая I торжественную речь: "Стой, солнце, стой!"

Вполне логичным выглядит образ государя, он является одним из важнейших в оде. Обращение к нему содержится в третьей строфе. Метафорически его облик уподобляется Богу, солнцу, его имя сопровождается эпитетами "великий, мудрый". В соответствии с классицистической традицией, Николай представлен просвещенным монархом, осеняющий мудрым правлением своих подданных, поэтому к нему обращаются воспитанники Гимназии в торжественный день выпуска.

Из Петербурга часто приезжал в Нежин и присутствовал на экзаменах, торжествах почетный попечитель А. Г. Кушелев-Безбородко, которому посвящена четвертая строфа оды. Его роскошные покои были расположены на первом этаже Гимназии. Он был немногим старше отдельных воспитанников, однако имел опыт дипломатической службы, изучал достижения западноевропейской педагогической мысли, привлекался к разработке концепции гуманитарного образования Гимназии высших наук, все это возбуждало амбиции гимназистов, также видевших себя в гражданском служении государству или в стремлении к творческой реализации.

Обращенная к почетному попечителю Гимназии четвертая строфа, распадается на две части. Первые строки дополняют галерею благодетелей-покровителей, в них также выражается сожаление, ведь А. Г. Кушелева-Безбородко в этот день нет среди благодарных воспитанников. Интерес представляют следующие строки – появляется лирический герой, раскрывающий свое душевное состояние, а ведь в его судьбе "юный покровитель" (граф А. Г. Кушелев-Безбородко) выполнял спасительную миссию. Намеки, которые содержатся в этой части оды, напрямую соотносятся с обстоятельствами пребывания Н. Кукольника в Гимназии высших наук. В Нежине юный поэт потерял отца, а из-за конфликта между временным правлением Гимназии и осиротевшей семьей первого директора в 1821 г. вынужден был прервать учебу и уехать. После смерти матери Н. Кукольника, по распоряжению А. Г. Кушелева-Безбородко он года был восстановлен в Гимназии – "ты искупил из дна страданий / Осиротевшего меня". Важно также заметить, что исполненный признательности лирический герой примеряет на

себя образ поэта, это его "признательная лира" позволяет ему выразить благодарность за спасение.

Пятая и шестая строфы звучат заключительным, обобщающим аккордом и обращены к покровителям и наставникам, без которых "торжественный день" для Н. Кукольника не состоялся бы. Следует принять во внимание последствия возникшего за год до выпуска конфликта в профессорской среде относительно преподавания естественного права и участия в нем Н.Кукольника с показаниями в поддержку любимых преподавателей. Когда противостояние вылилось в "дело о вольнодумстве" и стало окрашиваться в политические тона, Н. Кукольник, "который со слезами признавался, что его развратили некоторые, но кто, не назвал", оказался в числе главных подозреваемых. О принятых для "уничтожения вольнодумства среди пансионеров" мерах, сообщал в донесении директор Д. Ясновский: "сии были, наконец, усмирены" [11, стр. 15–16].

За благодарственными строками, обращенными к храму науки и его наставникам, кроется трагическая судьба талантливого поэта. Вполне реальными были опасения Н.Кукольника прослыть политически неблагонадежным, не получить надлежащего свидетельства об образовании (лишение и медали, и права на чин фактически перечеркивало все годы учебы и закрывало перспективы для службы).

Можно с уверенностью предположить, что отзвуки "дела о вольнодумстве" отразились и на жизни Н. Кукольника, и на дальнейших творческих исканиях в его верноподданническом служении. Талантливый, способный, одаренный молодой человек оказался в ситуации, когда все силы пришлось бросить на то, чтобы снять с себя подозрения в неблагонадежности. Нашумевшая драма "Рука Всевышнего Отечество спасла", исторические произведения "Запорожцы", "Азовское сидение" явились, видимо, своего рода компенсацией и свидетельством приверженности Н. Кукольника идеям самодержавия.

Литература

1. Сребницкий И. А. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из Архива Гимназии высших наук / И. А. Сребницкий. – К. : Тип. С. В. Кульженко, 1902. – С. 83–137; Гоголевский сборник / под ред. М. Сперанского. – К. : Тип. С. В. Кульженко, 1902. – С. 279–287 ; Заболотский П. Гоголевский музей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине / П. Заболотский. – Нежин : Типо-лит. насл. В. К. Меленевского, 1912. – С. 13–15.

2. Кукольник Н. П. И. Никольский / Н. Кукольник // Лицей князя Безбородко. – СПб. : Тип. ИАН, 1859. – Отд. I. – С. 130–133.
3. ИР НБУВ. Коллекция А. М. Лазаревского, ф. II, № 2297, стр. 1–1 об. Сочинение Н. Кукольника "О преимуществе эпопеи над прочими стихотворениями".
4. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук : антология мемуаров / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. – СПб. : Изд-во "Пушкинский Дом", 2014. – 628 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т.] / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
Т. 8. Статьи. – 1952. – С. 468–488.
6. ОГАЧОН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 94, 8 л. Отчет профессора П. Никольского за 1826/1827 учебный год. 1826–1827. Л. 1–4.
7. ОГАЧОН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 72, 13 стр. Конспекты (учебные планы) профессоров и учителей на 1823/1824 учебный год. 4 августа – 13 сентября 1823. Л. 10–11 об.
8. Данилевский Г. А. И. Рославский-Петровский / Г. Данилевский Лицей к князя Безбородко. – СПб. : Тип. ИАН, 1859. – Отд. II. – С. 113.
9. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя: нежинский период (1820–1828) / сост. Н. М. Жаркевич, З. В. Кирилук, Ю. В. Якубина. – Нежин : ООО "Изд-во "Аспект-Полиграф", 2009. – 260 с.
10. ИР НБУВ. Коллекция А. М. Лазаревского, ф. II, № 2271, стр. 1–1 об. Стихотворение Н. Кукольника.
11. Савва В. И. К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко / В. И. Савва. – Х., 1908. – 19 с.